

А.Р.Третьяк

STASIS

И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Артур Романович Третьяк — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Для связи с автором: assefir@mail.ru.

Аннотация. В последние годы перед политической философией все острее встает вопрос о природе современной войны. Несмотря на появление ядерного оружия, война не исчезла с исторической сцены. Но осталась ли неизменной ее сущность? В эпоху глобального политического общения, когда внешнюю политику все труднее отделить от внутренней, отвечают ли тенденции протекания военных конфликтов классическим представлениям о войне? Налицо потребность в четкой парадигме, которая помогла бы проследить общую логику за всем разнообразием подобных конфликтов, происходящих сегодня в мире.

Статья посвящена рассмотрению одной из таких парадигм, приобретающей все большую популярность среди политических теоретиков. Речь идет о концептуализации совокупности современных военных конфликтов как глобальной гражданской войны. Опираясь на работы Антонио Негри и Майкла Хардта, автор очерчивает общие контуры данного подхода, а затем обращается к анализу феномена гражданской распри, обозначаемого древнегреческим понятием *stasis*, возвращенным в актуальный политический словарь Джорджио Агамбеном. Проведенное им детальное исследование исходного смысла *stasis* и его интерпретации в трудах Николь Лоро и Агамбена раскрывает потенциал этого понятия как теоретического инструмента осмысления логики современной войны.

Ключевые слова: война, *stasis*, глобальный порядок, политическое, Антонио Негри, Майкл Хардт, Джорджио Агамбен, Николь Лоро

Введение

В последние годы в политической философии наблюдается рост интереса к различным типам военных конфликтов. Несмотря на появление и распространение ядерного оружия, война не исчезла с исторической сцены, ей на смену не пришла «конкуренция крупных торго-

¹ Кревельд 2015: 20. вых блоков»¹. XXI столетие породило уже немало военных конфликтов. Их формы, протекание и внутренняя структура могут варьировать и меняться, но в целом война как явление составляет неотъемлемую часть политической реальности нашего времени.

² Агамбен 2021. В своей недавней книге «Гражданская война как политическая парадигма»² Джорджио Агамбен обращается к весьма специфическому понятию, которое может оказаться ценным теоретическим инструментом для исследования политической логики военных конфликтов. Речь идет о понятии *stasis*, которое в древнегреческом политическом словаре обозначало гражданскую войну или распрю. Впоследствии оно было практически забыто, и сегодня, как замечает Агамбен, политическая мысль старается дистанцироваться от самой возможности гражданской распри³. Его рецепция понятия *stasis* связана с попыткой использовать соответствующий феномен как модель для осмысления способов функционирования современной политики. Подобно многим другим понятиям в философии Агамбена, понятие *stasis* амбивалентно, включая в себя и политизацию, и деполитизацию, сочетая внешнее и внутреннее, что существенно осложняет прояснение соотношения *stasis* и войны в целом.

³ Там же: 6.

Главный вопрос, который здесь возникает, — это, конечно, вопрос о природе войны. Осталась ли она прежней или изменилась (и если да, то насколько)? В какой мере тенденции протекания современных военных конфликтов отвечают классическим представлениям о войне? И что вообще можно назвать войной в строгом смысле слова? Следует ли ориентироваться на официальное заявление о начале войны на правительственном уровне или нужно учитывать иные типы политической риторики и действий (вроде антитеррористических операций)? Налицо потребность в четкой парадигме, которая помогла бы проследить общую логику за всем тем разнообразием военных конфликтов, которые мы наблюдаем в последние десятилетия. Одна из таких парадигм предполагает рассмотрение совокупности войн современного типа как глобальной гражданской войны. Именно это и имеет в виду Агамбен, вводя понятие *stasis*. О том же говорится в книге Антонио Негри и Майкла Хардта «Множество: Война и демократия в эпоху Империи»⁴. Ключевая мысль их довольно прямолинейна: война принимает сегодня форму гражданской распри. Этот сдвиг прослеживается сразу по нескольким направлениям, важнейшее из которых — связь происходящего внутри государства с общей констелляцией сил в рамках глобального порядка: «Сегодня по всему миру вспыхивают бесчисленные вооруженные конфликты, иногда краткие и ограниченные определенным местом действия, а порой — длительные и захватывающие все более обширные пространства. Такие конфликты, вероятно, точнее всего воспринимать как случаи не войны вообще, а войны гражданской»⁵. То есть, несмотря на явно недостаточную теоретическую проработку проблематики *stasis*, гражданская распря выступает в роли парадигмы понимания современной войны.

⁴ Хардт и Негри 2006.

⁵ Там же: 13.

Что же позволяет *stasis* претендовать на эту роль? Чтобы ответить на этот вопрос, в настоящей статье мы постараемся прояснить политическую логику *stasis* как парадигмы осмысления войны и рассмотрим философские основания теории гражданских конфликтов в рамках современного миропорядка.

**Парадигма
глобальной
гражданской
войны**

⁶ *Арендт 2011: 14.*

Рассуждая о взаимосвязи войны и революции, Ханна Арендт подчеркивает то влияние, которое оказали на возникновение мировых войн развернувшиеся в мире революционные процессы, в связи с чем такие войны, вовлекая огромное число стран, становятся как бы «гражданской войной, охватившей всю землю»⁶. Мировая гражданская война — исключительно мощный образ, заставляющий нас иначе посмотреть на то, как различного рода конфликты вписываются в глобальный порядок взаимоотношений между государствами. И хотя в исторической ретроспективе все еще принято проводить четкое различие между «обычными», межгосударственными войнами и войнами гражданскими, то есть внутренними, сам образ глобальной гражданской войны чрезвычайно притягателен для мыслителей.

⁷ *Агамбен 2021: 6.*

В чем сила этого образа? Вместо того чтобы делить враждующие стороны на противоборствующие целостности, метафора гражданской распри как бы объединяет их виртуально. Люди сражаются друг с другом внутри того, что раньше было единым; борьба между ними раскалывает это единство на несколько частей, однако виртуально, как память или потенциальная взаимосвязь, оно сохраняется. Метафора глобальности добавляет этой распре размах, размывая границы государств. И мы видим, как философы живо откликаются на этот образ. Негри и Хардт не просто обращаются к нему, но и пытаются конкретизировать и обосновать его работоспособность как парадигмы понимания современной войны. В свою очередь Агамбен в упомянутом выше сочинении замечает, что «сегодня, как кажется, исчезла сама возможность отличить войны между государствами от внутренней войны»⁷. Эта невозможность провести грань между обычной войной и гражданской распрей заслуживает особого внимания. Попробуем очертить основные контуры данной проблемы, обратившись к трудам Негри и Хардта, где представлена реконструкция политической логики современной войны как гражданской распри в глобальном порядке Империи.

Главная линия рассуждений марксистского дуэта строится вокруг необходимости осмысления того, как различные конфликты встраиваются в глобальный капиталистический порядок и какие изменения они вызывают внутри отдельных стран и за их пределами. Структура глобальной гражданской войны раскрывается через три измерения, которые релевантны и при анализе форм современной войны. Первое связано с сочетанием полицейского и армейского в ходе протекания конфликта. Второе касается размывания границ между типами военных конфликтов в целом, когда на основе старых критериев уже невозмож-

но понять, какая военная акция легитимна и справедлива, а какая нет. Наконец, третье измерение — это нематериальный аспект войны.

Рассмотрим подробнее эти измерения.

Говоря о новом статусе войны в XXI в., прежде всего следует обратить внимание на то, что она утрачивает ту «тотальность», которую мы несколько раз наблюдали в XX столетии. Негри и Хардт отмечают, что война теряет прежние масштабы и массовый охват, ей присущи ограниченность перспективы и нацеленность на определенные точки (горячие зоны). Используемое ими выражение «полицейская акция» подчеркивает локальность конфликта и его «техническую» ориентацию: «Война приобрела ограниченный характер. Вместо того чтобы напрягать все силы в крупномасштабной битве, сверхдержавы стали втягиваться в полицейские акции высокой интенсивности, каковые проводились Союзом — в Афганистане»⁸. Более того, «полицейская» ипостась военного конфликта привносит в него политическую логику «внутреннего» процесса, внутренней акции, аналогичной тем, что проводятся для устранения преступников, террористов или иных угроз, исходящих изнутри государства. Этот аспект «внутреннего» крайне важен для Негри и Хардта, еще в своей ранней работе «Империя»⁹ пришедших к выводу о постепенном сужении суверенитета отдельных государств и повышении роли суверенности нового типа — глобального порядка Империи, что расширяет сферу внутреннего и размывает границы между традиционной внешней и внутренней политикой.

Тезис о слиянии внешнего и внутреннего подкрепляется анализом проблемы государственной безопасности. Озабоченность последней побуждает политических деятелей более активно вовлекаться во внешние дела в попытке создать условия, в наибольшей степени способствующие безопасности политического тела. Ориентация на безопасность позволяет внутренней логике полицейской акции слиться с внешней логикой армейской защиты: «концепция безопасности ведет к устранению различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Если „оборона“ предполагает наличие защитного барьера против внешних угроз, то „безопасность“ оправдывает постоянную военную активность как на собственной территории, так и за рубежом»¹⁰.

Прежние критерии определения форм и типов военных конфликтов, позволявшие проводить различия между войнами межгосударственными и гражданскими, завоевательными и оборонительными, констатируют Негри и Хардт, перестают работать. Их еще можно использовать, но они уже плохо отражают динамику и ход военного конфликта. В нынешней ситуации ключевую роль играет риторика легитимации — насколько убедительно та или иная страна выстраивает нарратив, оправдывающий соответствующее событие в глазах общности. Действительно значимый для Негри и Хардта критерий — то, в какой мере военный конфликт нацелен на подрыв устоявшего

⁸ Хардт и Негри 2006: 58.

⁹ Хардт и Негри 2004.

¹⁰ Хардт и Негри 2006: 83.

ся порядка Империи, иными словами, степень его революционности: «Важно только одно различие, которое выше всех остальных: это различие между насилием, сохраняющим сложившуюся иерархию глобального порядка и угрожающим ему»¹¹. Войны, происходящие в рамках общей логики Империи, принципиально не меняющие базовые ориентации и правила поведения на международной арене, не так важны, поскольку они могут лишь локально модифицировать констелляцию сил и ресурсов. Если военный конфликт ставит своей целью (в пределе) переустройство всей системы, он привлекает внимание всех крупных игроков Империи. Такое внимание (в частности, в форме вмешательства со стороны других государств) может привлечь и изначально локальный, внутренний по своей природе гражданский конфликт, но для описания подобного конфликта тоже малопригодны старые критерии.

¹¹ Там же: 51.

Современные войны приобретают нематериальный аспект. Под этим подразумевается несколько вещей. Во-первых, это снижение уровня «телесности», непосредственного физического вовлечения людей, что обусловлено активным использованием высокоточного оружия, БПЛА, спутников и т.п. Одновременно происходит и переосмысление «телесности»: солдаты на поле боя больше не бездушная масса, а скорее биополитическое множество (*multitude*), порождающее собственные формы бытия. Они должны обладать широким набором навыков, касающихся не только ведения боя и подготовки к нему, но и продвижения особых правил жизни посредством взаимодействия с различными слоями населения (начиная с местных жителей), в том числе медийного. Нематериальный аспект войны заключается прежде всего в том, что «в соответствии с таким видением, новые солдаты должны не только убивать, но и быть способными диктовать завоеванному населению нормы жизни — культурные, правовые, политические, а также связанные с обеспечением безопасности»¹².

¹² Там же: 64.

Во-вторых, это распространение на военную сферу общей тенденции к повышению значимости нематериального труда (что подчеркивается путем введения в описание войны термина «постфордизм»). Нематериальный труд производит товар в форме знания, коммуникации, статистики, аналитики и т.д. Если для традиционного труда характерна четкая иерархия, то нематериальный труд более децентрализован и использует различные каналы связи, что «изменяет отношения между коммуникацией и капиталистическим производством»¹³. Доминирование подобного рода труда требует сложной сети коммуникаций и управления потоками информации. Это в полной мере относится и к военным конфликтам: «В результате война в условиях постмодерности обретает многие черты того, что экономисты считают характерным для „постфордизма“ на производстве. В ее основе лежат мобильность и гибкость; она включает в себя разведку, обработку данных и труд в нематериальной сфере»¹⁴.

¹³ Del Gandio 2011: 124.

¹⁴ Хардт и Негри 2006: 59.

Таким образом, понимание современной войны как глобальной гражданской распри строится на трех ключевых тезисах:

- 1) развертывание современных военных конфликтов происходит в логике обеспечения безопасности, когда стирается грань между армейским и полицейским, внешним и внутренним, а сама война напоминает полицейскую акцию высокой интенсивности;
- 2) старые критерии определения форм войны не всегда позволяют объяснить протекание конфликта, важен способ легитимации военных действий и их глобальный эффект (подрывают ли они глобальный порядок или остаются в его русле);
- 3) война приобретает виртуальные и нематериальные черты и сопряжена с производством новых форм жизни.

Суммируя, можно констатировать, что в основе рассмотрения современной войны как гражданской распри лежит прежде всего ее воздействие на структуру глобального порядка. Однако такая констатация не до конца проясняет силу данной метафоры. Поэтому, рассмотрев проблему глобальности конфликта, стоит перейти к анализу самого феномена гражданской распри, что позволит точнее определить значение понятия *stasis* для политической философии и тем самым зафиксировать его место в современном политическом словаре. И здесь полезно обратиться к тому изначальному смыслу, который вкладывался в это понятие в античности.

Stasis: внутренняя или внешняя проблема?

Древнегреческие мыслители выделяли два типа военных конфликтов — *polemos* (война) и *stasis* (раздор, распря). Первым термином обозначались столкновения между неравными по своему «природному» происхождению совокупностями людей, вторым — ситуации, когда в схватку вступают близкие «по природе» люди. Хотя военный конфликт возможен и между эллинами, отмечается в «Государстве» Платона, его нельзя назвать полноценной войной, поскольку все эллины по природе «друзья»¹⁵. Природная дружелюбность между эллинами предполагает изначальную близость, открытость, общность представлений о мире, общее наследие и т.д. Конфликт между теми, кто «по природе» близок, сродни болезни, что возникает у здорового человека. У такого конфликта должны быть четко очерченные рамки. Так, описывая воспитание стражей идеального полиса, Платон формулирует жесткое правило их поведения в подобной ситуации: «не опустошать страну и не поджигать домов»¹⁶. Границы конфликта ясно видны: раздор между друзьями не должен быть опустошительным, его цель — наказать зачинщиков и снова вернуться к общему пониманию. Война с чужаками, варварами, напротив, «всегда оправданна; более того, в ней реализуется природная справедливость»¹⁷, ибо варвары не способны управлять собой полноценно, в их обществе доминируют дикость и насилие, а поэтому вражда с ними естественна.

Работая над своей «Историей», Фукидид отчетливо понимал, что война, которую он описывает, представляет собой важнейшее и опаснейшее событие в жизни греческих полисов¹⁸. Одним из ключевых в

¹⁵ Платон 2015: 194.

¹⁶ Там же: 195.

¹⁷ Куманьков 2019: 101.

¹⁸ Фукидид 2022: 3.

описании этого события является понятие *stasis*. Как и Платон, Фукидид считает гражданскую распрю своего рода болезнью, но предлагает более реалистичное ее видение. Гражданская распря в «Истории» Фукидида выступает частью более глобального противостояния Афин и Спарты, демонстрируя, как «дружба» среди «своих» приобретает черты радикального политического разделения. Внутренний по своей сути конфликт легко может обратиться в полноценную схватку врагов; двойственность *stasis* как раз и заключается в том, что внутреннее, то есть «дружественное» по природе, становится внешним, «чужим», а значит, потенциально враждебным.

Обращаясь к проблематике *stasis* в контексте полисной жизни, Фукидид усматривает в гражданской распре постоянную опасность, ставящую под угрозу стабильность такой жизни. Гражданская распря — худший вид военного конфликта¹⁹, поскольку ее следствием становятся не только экономические разрушения, но также подрыв и извращение политических добродетелей. Беда в том, что гражданская распря всегда может проявить себя при соответствующих условиях, ибо ее истоки кроются в самой натуре человека, его стремлении к власти и славе: «Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии»²⁰. Полностью устранить возможность распри нельзя; *stasis* — естественная составляющая жизни полиса. Пока люди объединяются в политические общности, внутри подобной общности всегда возможен раскол. Как отмечает Клиффорд Орвин, «Фукидид не сомневается, что гражданская распря — это постоянное пятно на человеческой жизни, люди подвержены ей по самой своей природе и так будет до тех пор, пока эта природа не смягчится»²¹. Разрушая стабильность полисной жизни, *stasis* наносит удар и по самим ее основам: сужая человеческие интересы, создавая поле для мести, он разрывает и дружественную связь между гражданами, составляющую одну из важнейших добродетелей полиса.

По мере увеличения размеров и богатства полиса вероятность гражданской распри возрастает. В полисе с малым числом жителей, которые к тому же находятся в постоянной нужде, поводы для конфликтов возникают реже, чем в многолюдном и процветающем, поскольку именно в условиях достатка легче проявляются такие свойства человеческой природы, как алчность и честолюбие. Не случайно «как раз там, где плодородные почвы приводили к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры»²².

Stasis несет в себе громадные риски для всех жителей полиса, включая «высших людей», то есть тех, кого, используя современную терминологию, можно назвать политической элитой (напомним, что, в отличие от естественного состояния Томаса Гоббса, принципиально уравнивающего всех²³, полис подразумевает наличие политической иерархии). Более того, поскольку в руках таких людей сосредоточено много ресурсов, гражданская распря чревата для них даже большим уроном,

¹⁹ *Manicas 1982: 688.*

²⁰ *Фукидид 2022: 245.*

²¹ *Orwin 1988: 833.*

²² *Фукидид 2022: 4.*

²³ *Гоббс 2016: 178.*

²⁴ Orwin 1988: 840.

чем для обычных граждан, и в этой «худшей из человеческих ситуаций само их превосходство пагубно»²⁴.

Итак, возможность *stasis* связана с самим существованием полиса. В гражданской распри, раскалывающей сообщество, сталкивающей граждан в жестокой борьбе, начинают стираться все прочие различия, определявшие жизнь людей: то, что раньше казалось внешним и именно потому таило в себе опасность, становится внутренней составляющей политической жизни, а внутреннее, «семейное» оказывается причиной политического разделения. *Stasis* несет с собой множество негативных последствий для граждан полиса, разрушая прежние социальные связи, производя коррупцию, меняя представления о добродетелях и создавая почву для расцвета наиболее темных сторон человеческой природы. Сбой в нормальном функционировании внутреннего порядка полисной жизни влечет за собой размывание внешнего и внутреннего как четких политических ориентиров, что в свою очередь существенно затрудняет разграничение *stasis* и *polemos*. С этой проблемой сталкивается и сам Фукидид. И здесь нельзя не согласиться с Владимиром Милисавлевым, усматривающим ее следы «в самой структуре» сочинения древнегреческого историка: «Во время войны между враждующими полисами угроза внутренней розни постоянно висит в воздухе»²⁵. В пользу этого заключения говорит и то, что в «Истории» Фукидида межполисная борьба между Афинами и Спартой тесно связана с такими событиями, как внутренний раздор на Керкире, и именно в посвященном описанию его логики разделе приведены основные соображения автора о сущности и опасностях гражданской распри.

²⁵ Milišavljević 2016: 699.

Таким образом, отсутствие четкой разделительной линии между обычной войной и гражданской распри фиксировалось еще античными мыслителями. По мнению Милисавлевића, «эта неразличимость между *polemos* и *stasis* делает работу Фукидида (и, добавим, классическую теорию *stasis* в принципе — А. Т.) еще более актуальной применительно к состоянию современного мира, которое можно описать в терминах мировой гражданской войны, не ограниченной национальными границами»²⁶. Парадоксальное сочетание внешнего и внутреннего в сердцевине гражданской распри сближает ее с обычной войной между государствами. Тем самым становится более понятным замечание Агамбена о том, что в политической теории не хватает учения о гражданской войне²⁷. Синтез проблематики *stasis* и современной теории войны — важный шаг к прояснению целого ряда вопросов, до сих пор вызывающих споры среди исследователей военных конфликтов.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ Агамбен 2021: 6.

Проблемное единство города и *stasis*

Каким образом интерпретация гражданской распри в античной философии помогает прояснить политическую логику войны в современном мире? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к книге Николь Лоро «Разделенный город», где представлен глубокий исторический и философский анализ *stasis*, способный, на наш взгляд, внести

серьезный вклад в разработку рассматриваемой проблемы (хотя и не касающийся ее непосредственно).

Stasis — это состояние, которое делит город надвое. При этом город трактуется не как некая пассивная конструкция, возникающая в результате договора граждан, а как политический субъект, который мыслит, решает, помнит или, наоборот, пытается забыть. Особого внимания здесь заслуживают забвение и память; так, анализируя конкретный эпизод из истории Афин, где в 403 г. до н.э. в результате гражданского конфликта была восстановлена демократия, Лоро показывает, как важно было для граждан вытеснить из памяти событие раздора *per se*. Забвение есть способ вытеснения не просто травматического события, но самого факта, что город не постоянен в своем единстве и может быть разделен²⁸.

²⁸ Лоро 2021: 62.

Опираясь на древнегреческую историю, Лоро выделяет два представления о гражданской распри. На первый взгляд, эти представления противоречат друг другу, поскольку одно базируется на логике внешнего, а другое подчеркивает внутренний характер *stasis*. Согласно первому, гражданская распря подобна ненастью, неконтролируемой природной стихии, которая обрушивается на город: «*stasis* помещается вовне: вовне города, возможно, вовне самой человечности — гражданская война понимается как катастрофа»²⁹. Второе трактует гражданскую распрю как одно из возможных состояний города, что делает ее особенно опасной, ибо, будучи частью его внутренней жизни, она легко может проявить себя при определенных обстоятельствах. Подобная трактовка отсылает нас к политической теории Гоббса, где естественное состояние рассматривается как внутренняя проблема (война — это не только само сражение, но и внутренняя готовность, воля к борьбе путем военного действия³⁰), а не спонтанное проявление внешней стихии. Тем не менее внутреннее (происходящее внутри города) и внешнее (констелляция событий за его пределами) тесно переплетены, сверхдетерминируя (в том смысле, которое вкладывал в этот термин Луи Альтюссер) саму возможность *stasis*. Поэтому эти два представления о гражданской распри в конечном счете не так уж далеко расходятся по своей логике, и оба связаны с тем, как город пытается сохранить собственное единство.

²⁹ Там же: 120.

³⁰ Гоббс 2016: 181.

Проблематичное единство города — один из ключевых моментов в исследовании Лоро. Каким образом город сохраняет свое единство? Через сокрытие того, что может быть симптомом его внутреннего разделения, — отвечает Лоро. Как справедливо замечает Урсула Збжезняк³¹, этот парадоксальный аргумент объясняет ту политическую динамику гражданской распри, которая позволяет воссоздавать нестабильное единство города. Забвение, вытеснение из памяти необходимо, поскольку оно потенциально затрагивает всю тотальность города, хотя побеждает, как правило, одна сторона. Но победа одной стороны не означает уничтожения другой. Политика памяти дополняет течение гражданской распри, позволяет до конца реализовать ее потенциал.

³¹ Zbrzeźniak 2019: 46.

³² Лоро 2021: 96.

Рассмотрим подробнее аргументацию Лоро. Понятие *κράτος*, рассуждает она, имело у греков «дурную репутацию»³², поскольку могло означать преимущество одной партии над другой, демонстрирующее, что при определенных обстоятельствах город может быть разделен конфликтом. В свою очередь слово *δημοκρατία* было призвано подчеркивать именно единство города, что предполагало сокрытие и отвержение конфликтного потенциала демократии. Иными словами, происходило «отвержение конфликта как закона политики и жизни в городе»³³. Но логика согласия и взаимопонимания в политике не всегда определяет цели гражданской жизни, конфликтность и возможность разделения, как намекает Лоро, способны выступить здесь в качестве связующих элементов.

³³ Там же: 97.

Единство, которое в политической философии традиционно выступает главным критерием стабильности, полагает Лоро, камуфлирует политическую роль конфликта как того, что воссоздает внутри города связь *политического*. Обращаясь к метафоре города как наделенного душой индивида, она указывает на разделенность этого индивида: фрейдистская аналогия вытеснения конфликта подчеркивает фундаментальность раздора внутри него самого. Расколотый город-индивид всякий раз инстинктивно стремится заново зафиксировать свое единство, и именно это создает позитивную политическую динамику возобновления связи между его гражданами. Расколотость и единство можно рассматривать не в статике (как крайние противоположности), а в динамике, то есть с точки зрения их способности учреждать политическое.

Гражданская распря действительно разделяет город, но это разделение несет в себе возможность возрождения целостности. Целостность без единства достижима только в том случае, если сама она является результатом периодического изменения. Раскрывая эту мысль, Лоро обращает внимание на комментарий Аристотеля к законодательству Солона, где говорится, что во время гражданской распри долг каждого гражданина — занять одну из сторон³⁴. В «Афинской политике» ясно обозначен контекст этой проблемы: смута в городе и беспечность граждан, которые «мирятся со всем, что бы ни происходило»³⁵. Разделенный город требует «склеивания» враждующих партий, однако, чтобы можно было вновь соединить разделенное, нужно встать на чью-то сторону, ибо нейтралитет будет означать попытку выйти за рамки политического, то есть быть вне виртуального единства города. Но в ситуации, когда требуется занять чью-то сторону, радикально политизируется, обретая конфликтность, даже семья. Безразличный гражданин — это «политически мертвый»³⁶ гражданин, он полностью выпадает из городского социума.

³⁴ Аристотель 1937: 17.

³⁵ Там же.

³⁶ Лоро 2021: 137.

В рассуждениях Лоро о месте *stasis* в жизни города можно обнаружить отзвуки прозрения Никколо Макиавелли о позитивной роли конфликта в политике. Описывая устройство Римской республики и двух основных ее частей — плебса и сената, он указывает, что конфликт между ними приносит государству политическую пользу, позволяя уч-

реждать «добрые порядки». Потенциальная конфликтность является важным компонентом политической жизни и не всегда содержит в себе семена деградации: «Нельзя называть подобные волнения вредными и считать расколотым государство»³⁷. Хотя эти заключения Макиавелли касаются конкретного исторического кейса Римской республики, сама фиксация позитивной роли конфликта свидетельствует о возможности альтернативы политической модели согласия. И если для приверженцев этой модели (к которым относятся, в частности, Юрген Хабермас и Джон Роулз) цель политики — это достижение гармонии и стабильности через согласие и единство всех граждан, то Лоро следует скорее отнести к той традиции политико-философской мысли, которая видит в конфликте основополагающий фактор политической жизни.

³⁷ Макиавелли 2014: 121.

На близость теории Лоро к данной традиции обращает внимание, в частности, Збжезняк. Однако она не считает, что Лоро движется в том же русле, что и теоретики несогласия, такие как Шанталь Муфф или Жак Рансьер. С ее точки зрения, концепция Лоро более радикальна, поскольку «она идет гораздо дальше в реконструкции подавляемого измерения политики, и не только тогда, когда постулирует, что конфликтное, насильственное измерение постоянно пронизывает политические институты... но прежде всего тогда, когда рассматривает гражданскую войну как парадигму политического порядка»³⁸.

³⁸ Zbrzeźniak 2019: 45.

В трактовке Лоро само событие *stasis* предстает не болезнью города или роком, «ненастьем», внезапно обрушивающимся на граждан, — *stasis* несет в себе политическую логику движения, активного созидания новой формы через конфликт и разделение. «В согласии нет ничего статичного»³⁹, первичность конфликта по отношению к согласию в очередной раз доказывает справедливость известного тезиса Гераклита: «все течет, все изменяется».

³⁹ Лоро 2021: 146.

Таким образом, мы приходим к более точной формулировке, улавливающей связь между возможностью *stasis* и *политическим* в городе: «под анафемой *stasis* — пугающая констатация того, что гражданская война является сопринородной городу и даже основывающей политическое именно в качестве того, что является общим»⁴⁰. В итоге трагическая роль *stasis* в греческой истории приобретает более конкретные очертания: война внутри города «развязывает» старые противоречия, позволяя впоследствии создать новую форму единства; через забвение старых обид существующие в городе партии придают ему динамику развития и изменения собственных порядков. Конфликт «встряхивает» город, заставляя граждан занять разные позиции, без такого «расклеивания» политика будет расслаиваться до состояния «нейтральности».

⁴⁰ Там же: 130.

**Диалектика
внешнего и
внутреннего и
логика *stasis***

Работа Лоро послужила источником вдохновения для Агамбена в его анализе сущности гражданской войны. Он подробно комментирует основные тезисы Лоро, предлагая свое прочтение проблемы *stasis* через идею политизации внутреннего и деполитизации внешнего. Главная его гипотеза строится на выявлении неразличимости противоположно-

⁴¹ Агамбен 2021: 23.

стей. Подобный подход в принципе характерен для философии Агамбена, чья политическая диалектика, в отличие от гегелевской, нацелена на фиксацию неразрешимых противоречий, в рамках которых стираются границы между различными элементами системы. Так и *stasis* для него олицетворяет неразличимость семейного и политического⁴¹, когда кровное родство утрачивает свои исходные качества и человек, вступая в конфликт с другим гражданином своего полиса, уже не рассматривает его как корневое, базовое единство. Отталкиваясь от исследования Лоро, Агамбен тщательно выстраивает свою интерпретацию функции гражданской распри в политике и ее роли в превращении семейного в политическое, а политического (пространства города, полиса, государства) — в семейное. Гражданская распря обнажает политические возможности, заставляя индивида политизировать даже частное (семейное): «*stasis* функционирует как реагент, проявляющий политическую материю в экстремальном случае, как порог политизации, который сам определяет политический или неполитический характер того или иного сущего»⁴².

⁴² Там же: 26.

В теоретической реконструкции Агамбена *stasis* обретает более фундаментальные политико-метафизические черты. Возможность гражданской распри является напряженной точкой баланса в самом пространстве политического единства, когда конфликт может либо резко политизировать граждан, либо наоборот, деполитизировать их, выдвинув на первый план семейные узы. Итальянский философ описывает этот двоякий эффект *stasis* как разнонаправленное метафизическое движение: деполитизация стремится в сторону οἶκος (семья), политизация — в сторону πόλις (гражданского), само же событие *stasis* находится между ними как разделительная черта⁴³ или, точнее, потенциальная точка взрыва, способного дать толчок движению в ту или иную сторону.

⁴³ Там же: 32.

Итак, вместе с Лоро Агамбен пытается актуализировать понятие *stasis* для современной политической философии. Классическое представление о гражданской расправе как о «ненастье» и «семейном конфликте» значительно расширяется, мы видим новую модель осмысления данного феномена. Гражданская распря — не просто модификация военного конфликта внутри политического единства, но важный симптом поворота к политизации внутреннего и деполитизации внешнего. Управление государством или даже совокупностью государств как «семьей», где нет четких правил, но есть патронаж, авторитет старшего и т.д., составляет одну сторону проблемы, другой же, напротив, выступает мобилизация и приведение в движение того, что до этого было нейтральным и находилось вне политики. Сегодня эта проблема приобретает глобальный масштаб, затрагивая межгосударственные отношения, транснациональные корпорации и связи между людьми на всем земном шаре. При этом роль *stasis* не сводится к разделению людей: посредством разделения *stasis* подготавливает почву для произрастания нового нестабильного единства. Полное исключение возможности

гражданской распри путем отнесения ее к феноменам типа террористической угрозы или, скажем, радикального фундаментализма (того, что изначально мыслится вне политики, как нечто маргинальное) означало бы исключение возможности воссоздания единства после конфликта. *Stasis* «встряхивает» сложившиеся порядки и устои, проверяет их на прочность и дает возможность «связать» людей заново, поскольку новые, более стабильные связи нельзя создать без радикального распутывания клубка старых противоречий.

**Заключение:
сила метафоры
гражданской
распри**

В описанной выше парадоксальной двойственности *stasis* и кроется ответ на вопрос о возможной роли соответствующего концепта в решении задачи переосмысления природы и сущности современной войны, стоящей перед политической философией. Поскольку доминирующий сегодня подход к пониманию данного феномена избегает проблематики интенсивного политического разделения, война предстает чем-то вроде полицейской акции по защите безопасности государства, приобретая элементы нейтральности и деполитизируясь. Автономность войны в политическом общении превращает ее в технический инструмент реализации чьей-то суверенной позиции. Но в условиях выдвигания на первый план суверенности той или иной позиции «речь» другого начинает восприниматься как аномалия, выходящая за пределы признанной, «справедливой» коммуникации. Сам язык описания в этом случае будет колебаться между техничностью, с одной стороны, и логикой маргинальности и нарушения закона, с другой. Парадигма автономности низводит гражданский конфликт до уровня «семейного»; отсутствие единодушия, аномия трактуются как противоестественные формы политической коммуникации.

Подобный взгляд на гражданский конфликт перекликается с одним из фиксируемых в античные времена пониманий *stasis*, в рамках которого гражданская распря связывается с воздействием неких внешних сил или случайных факторов, разделяющих изначально солидарных граждан. При таком понимании для восстановления мира достаточно устранения «преступников». Более того, лежащее в основе его представление о противоестественности *stasis* и ориентация на тотальное единодушие граждан заставляет мыслить любые формы конфликтов в категориях маргинального, террористического, то есть того, что требует полицейской акции.

Однако, как показывают новейшие исследования, феномен *stasis* гораздо сложнее, и гражданская распря — не просто эпизод в истории греческих полисов, но более фундаментальное явление, через которое просвечивают основания политики. Намеченная Лоро и развитая Агамбенем интерпретация *stasis* ставит в центр этого события само политическое. *Stasis* разъединяет людей, политизирует внутреннее, «семейное» и при этом способен деполитизировать внешнее, сделав его элементом установления связей, подобных семейным. Тем самым достигается уни-

кальный эффект диалектики разъединения: чтобы возникли новые политические связи, необходимо «расплести» старые противоречия. Логика *stasis* подразумевает признание ценности политического участия: стороны конфликта видят друг в друге равных, и победа одних не превращает других в «рабов».

Такой подход к пониманию *stasis* не предполагает отрицания конфликта *per se* и ориентации на достижение «вечного мира» внутри современного миропорядка. Но что еще более важно — он не сводит войну к преступлению против человечности, ибо подобная война теряет политической характер. Используя логику Аристотеля, можно определить полис как тонкую прослойку между животной жестокостью и божественной справедливостью как высшим насилием. Военные конфликты всегда балансируют на этой грани, и опыт тотальных войн демонстрирует, как легко божественная справедливость перерождается в невероятную животную жесткость. Войну как фактор политической жизни невозможно отменить, по крайней мере пока в принципе существуют те или иные формы политики, пока бытие человека не превратилось в технический процесс полного администрирования и управления. Рассмотренная нами модель *stasis* дает основания ожидать, что удержание военного конфликта в политическом русле распри между равными друг другу гражданами способно снизить указанные риски и позволить говорить о справедливости, взаимном признании, договоре и новой политике памяти даже там, где до этого вообще не было общего языка для коммуникации между сторонами противостояния.

Идея *stasis* как парадигмы понимания современной войны не означает оправдания глобального насилия как ситуации обыденного политического общения. Было бы ошибкой видеть в ней утверждение нормальности войн между соседями. Очевидна потребность в теоретическом и практическом осмыслении факторов реформативования военного конфликта, а также возможного влияния этого процесса на глобальные сети коммуникаций и сами основания политического общения между гражданами различных стран. Понятие глобальности еще больше усиливает метафору *stasis*, отсылая к тому образу, который мы встречаем еще у Фукидида: вступающие в военное противоборство общности сами по себе не являются радикально чуждыми, речь идет о политизации существовавших между ними «семейных» связей. И драма отдельного полиса, переживающего гражданскую распрю, есть часть более широкого противостояния, «расплетающего» старые противоречия. Тогда действительно остается не вспоминать старые обиды, и стирание памяти после события *stasis* позволяет новому политическому единству стабилизировать жизнь людей.

Библиография

- Агамбен Дж. (2021) *Stasis: Гражданская война как политическая парадигма*. СПб.: Владимир Даль.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа.

- Аристотель. (1937) *Афинская полития*. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Гоббс Т. (2016) *Левиафан*. М.: Рипол Классик.
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН; Социум.
- Куманьков А. (2019) «Философия войны: краткий очерк истории» // *Логос*, т. 29, № 3: 99—116. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/509/Logos_2019_3_3_1_Kumankov.pdf (проверено 11.06.2023).
- Лоро Н. (2021) *Разделенный город: Забвение в памяти Афин*. М.: Новое литературное обозрение.
- Макиавелли Н. (2014) «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» // Макиавелли Н. *Государь*. СПб.: Азбука-классика: 107—495.
- Платон. (2017) *Государство*. М.: Аст.
- Фукидид. (2022) *История*. М.: Аст.
- Хардт М. и А.Негри. (2004) *Империя*. М.: Праксис.
- Хардт М. и А.Негри. (2006) *Множество: Война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция.
- Del Gandio J. (2011) «Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism» // *Radical Philosophy Review*, vol. 14, no. 2: 121—138.
- Manicas P.T. (1982) «War, Stasis, and Greek Political Thought» // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 24, no. 4: 673—688.
- Milisavljevic V. (2016) «Human Nature and Stasis: On the Influence of Thucydides on Hobbes's Science of Politics» // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 4: 689—707.
- Orwin C. (1988) «Stasis and Plague: Thucydides on the Dissolution of Society» // *The Journal of Politics*, vol. 50, no. 4: 831—847.
- Zbrzeźniak U. (2019) «Stasis and Politics: On the Forgotten Role of Violence» // *Eidos. A Journal for Philosophy of Culture*, vol. 3: no. 2 (8): 40—50.

политика

A.R.Tretiak

STASIS AND POLITICAL PHILOSOPHY OF CONTEMPORARY WAR

Artur R. Tretiak — Ph.D. in Philosophy; Senior Lecturer at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. Email: assefir@mail.ru.

Abstract. In recent years, political philosophy has increasingly faced the question about the nature of the contemporary war. Despite the invention of

nuclear weapons, war has not disappeared from the historical scene. However, has its essence remained unchanged? In an era of global political communication, when it is increasingly difficult to separate foreign policy from domestic policy, do the trends in the development of military conflicts correspond to the classical ideas about war? One definitely needs a clear paradigm that would help to trace the common logic behind the whole variety of such conflicts taking place in the world today.

The article is devoted to the consideration of one of these paradigms, which is gaining momentum among political theorists. It concerns the conceptualization of all the modern military conflicts as a global civil war. Based on the works of Antonio Negri and Michael Hardt, the author outlines the general contours of this approach, after which he turns to the analysis of the phenomenon of a civil strife, described by the ancient Greek notion of *stasis* — a term that Giorgio Agamben put back to the current political vocabulary. His detailed study of the original meaning of *stasis* and its interpretation in the works of Nicole Loraux and Agamben reveals the potential of this concept to be a theoretical tool for understanding the logic of modern war.

Keywords: war, stasis, global order, the political, Antonio Negri, Michael Hardt, Giorgio Agamben, Nicole Loraux

References

- Agamben G. (2021) *Stasis: Grazhdanskaja vojna kak politicheskaja paradigma* [Stasis: La guerra civile come paradigma politico]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Aristotle. (1937) *Afinskaja politija* [Athenian Politics]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russ.)
- Crevelde M. van. (2015) *Transformatsija vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)
- Del Gandio J. (2011) "Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism" // *Radical Philosophy Review*, vol. 14, no. 2: 121–138.
- Hardt M. and A.Negri. (2004) *Imperija* [Empire]. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Hardt M. and A.Negri. (2006) *Mnozhestvo: Vojna i demokratija v epokhu Imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaja revoljutsija. (In Russ.)
- Hobbes T. (2016) *Leviafan* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
- Kumankov A. (2019) "Filosofija vojny: kratkij ocherk istorii" [Philosophy of War: A Brief History] // *Logos*, vol. 29, no. 3: 99–116. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/509/Logos_2019_3_3_1_Kumankov.pdf (accessed on 11.06.2023). (In Russ.)

Loroux N. (2021) *Razdelennyj gorod: Zabvenie v pamjati Afin* [La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Machiavelli N. (2014) “Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija” [Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio] // Machiavelli N. *Gosudar’* [Il Principe]. St Petersburg: Azbuka-klassika: 107—495. (In Russ.)

Manicas P.T. (1982) “War, Stasis, and Greek Political Thought” // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 24, no. 4: 673—688.

Milisavljevic V. (2016) “Human Nature and Stasis: On the Influence of Thucydides on Hobbes’s Science of Politics” // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 4: 689—707.

Orwin C. (1988) “Stasis and Plague: Thucydides on the Dissolution of Society” // *The Journal of Politics*, vol. 50, no. 4: 831—847.

Plato. (2017) *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow: Ast. (In Russ.)

Thucydides. (2022) *Istorija* [The History of the Peloponnesian War]. Moscow: Ast. (In Russ.)

Zbrzeźniak U. (2019) “Stasis and Politics: On the Forgotten Role of Violence” // *Eidos. A Journal for Philosophy of Culture*, vol. 3: no. 2 (8): 40—50.